

Анкор, еще анкор...

На репродукции — открытка из собрания
М.Б. Пойзнера

Анкор (анкора) — старинное название якоря, символизирующего надежду не только в геральдическом поле. Изображение якоря известно в Причерноморье с античных времен и раннего Средневековья, скажем, на монетах древнего Херсонеса. Четырехпалый якорь-кошка в гербе Одессы, помимо всего прочего, означает преемственность, а именно то, что Южная Пальмира — прямая наследница Тир и Никония, Ольвии и Херсонеса, а равно Монкастро и Джинестры, Кафы и Таны. Семантика "портрета якоря" — прежде всего, жизнеутверждающая. Она внушает оптимизм, рождает уверенность в неистребимости, неизбежность воспроизводства портовых приморских городов.

Но почему якорь-кошка, а не якорь традиционного адмиралтейского типа, обитает в пространстве особого почтения и даже фетишизации? Ведь в эпоху освоения Северного Причерноморья греками, а затем римлянами не "кошка", а адмиралтейский якорь первенствовали на флоте. Свинцовые штоки подобных "анкор" в немалом количестве подняты со дна близ острова Змеиный, в окрестностях Евпатории и в других местах.

А суть дела в том, что регулярная навигация на Черном море была налажена лишь мореходами средневековых итальянских, так называемых морских, республик — Венеции, Генуи, Амальфи и др. В XIII-XV столетиях они "владели морями", обладали самым современным флотом, состоящим из гребных галер и нефов, они же усовершенствовали навигационные пособия, введя в обиход компасные (румбовые) карты и рукописные лоции (портоланы). Так вот, на венецианском и генуэзском флотах, да, собственно говоря, во всей Южной Европе как раз и пользовались

преимущественно якорями-кошками, размеры и вес которых определялись габаритами судна. В Евпаторийском порту я видел извлеченный водолазами гигантский старинный якорь-кошку длиной более трех метров.

После присоединения южного региона к России торговое мореплавание здесь наладили опять-таки выходцы из Средиземноморья. В морскую лексику тогда прочно вошли многочисленные итальянские слова, включая, например, названия ветров (северный — трамонтана), астрономических ориентиров (Полярная звезда — Стелла Трамонтана) и др. Абсолютное большинство швартовавшихся в юной Одессе судов не знали других якорей, кроме "кошек". Мало того, средневековые четырехпалые анкеры стали поднимать в ходе развернувшегося гидротехнического строительства, при очистке гавани, а затем их нашли даже в Хаджибейском и Куяльницком лиманах во время добычи лечебной грязи. Стало ясно, что средневековые галеры заходили сюда, в итальянскую Джинестру (будущую Одессу), для добычи соли еще тогда, когда лиманы были связаны с Одесским заливом довольно значительными протоками.

Короче говоря, "кошка" по праву вплетена в герб Одессы (одна из романтических версий гласит еще и о крестообразности такого якоря в плане, что отражает христианскую символику). Не случайно аналогичные якоря украшают собой набережные многих причерноморских портовых городов. Я издавна собирал сведения о "якорных площадках", фотографировал извлеченные водолазами или находящиеся в музейных собраниях старинные якоря, собрал их обширную виртуальную коллекцию. Что касается датировок и атрибуции, тут много проблем: специальной литературы практически нет, а в известной монографии Льва Скрягина "Якоря", изданной на многих языках, "кошкам" уделяется очень мало внимания. Поэтому до всего приходилось доходить эмпирически, беря не умением, а числом — на "якорных площадках" Севастополя, Феодосии, Новороссийска и др. В близлежащей Затокe отыскался даже подлинный коллекционер якорей — причальный матрос Анатолий Иванович Ярошенко, складировавший якоря, извлекаемые при очистке подходного канала.

Все эти годы грела меня заветная мечта о создании мемориальной якорной площадки и в Одессе. Да только осуществил ее не я. Недавно вместе с фотохудожником Иваном Череватенко побывали мы на гидробиологической станции Одесского национального университета, где и узрели с восхищением, переходящим в восторг, готовый, по сути, музей якорей. А создал его как бы даже между делом замечательный парень — директор станции Олег Ковтун. Профессиональный морской биолог и од-

новременно опытный водолаз, располагающий к себе собеседник, Олег Алексеевич бесхитростно поведал нам всю историю формирования впечатляющей экспозиции.

Учился Олег на биофаке, а тут — нектати, вроде бы, — вышло высочайшее распоряжение призывать студентов стационара в вооруженные силы. Стал студент Ковтун главным корабельным старшиной Ковтуном — дьявольская разница, как говаривал классик. Вот и выходит, что "корочка" военно-морской водолазной школы оказалась явно не лишней для будущего исследователя черноморских глубин. Вернулся со службы, окончил университет, работал на кафедре, а в 2002-м возглавил гидробиостанцию. Практически закончил диссертацию, посвященную изучению диатомовых водорослей Тилигульского лимана. Тема — вовсе не из разряда "искусство для искусства". Оные водоросли — кормовая база рыбьей молоди, той же кефали. Отмирая же, водоросли становятся как бы строительным материалом, формируя новую стратиграфию.

"Якорная площадка" сложилась буквально за два истекших года. Олег обследовал значительную часть прилегающей акватории, обнаруживал старинные якоря, застрявшие в каменных грядках, регулярно навещал их, старательно расшатывал, а затем поднимал с помощью специального парашюта. Пролежавшие на морском дне столетия реликвии подвергались им специальной обработке — пропитке лаками, тормозящими коррозионные процессы. Для более удачного экспонирования Ковтун не только устроил экзотические поддоны, декорированные обломками ноздреватого известняка, ракушками рапанами, старой керамикой, но и умело расположил экспонаты по обе стороны небольшой тенистой аллеи, и всё вместе это умножает позитивное впечатление.

Разумеется, устроитель импровизированного музея не брезгует и якорями других типов. Так, в экспозиции имеются и традиционные адмиралтейские образцы, в том числе довольно преклонных лет. Есть и относительно свежие, например, маркированные в Керчи в годы НЭПа. Но лучшие образцы — несомненно, старинные кошки, среди которых — несколько очень давних, судя по всему, шестисотлетнего возраста. Самый большой раритет — ростом более двух метров, вероятно, от достаточно большой гребной галеры. Якорные лапы соединяются кубическим "шишаком" горячейковки, "ствол" несколько конусообразный, в навершии расклепано отверстие, в которое продето большое кольцо для крепления "конца".

Другая типология "кошки" — такая, какая представлена в гербе Одессы. Такие якоря, надо полагать, изготовлены в XVIII столетии. Почему?

Да потому хотя бы, что технология здесь использована гораздо более сложная. Главный, так сказать, металлический стержень в горячем виде расчленился "в нижнем течении" на четыре части, которые и "завивались" в лапы. Едва ли такое предприятие удалось бы в годы экспансии в Причерноморье Венеции и Генуи. Занимательно, что и эти, относительно молодые, якоря нередко молодели прямо на глазах: когда они стали анахронизмом на флоте, их стали использовать рыбаки. В коллекции Ковтуна представлен вторично использованный старый экземпляр, одна из лап которого приварена лет через 150 после его изготовления.

На презентации в Литературном музее изысканного календаря, изданного к 10-летию "Сада скульптур", я говорил, что всякое большое дело начинается с маленького безумства. Однако чем масштабнее такое безумство, тем более здрав результат. Чтобы убедиться в этом, довольно вспомнить хотя бы сумасшедшую идею писателя Никиты Брыгина о создании первого в СССР Литературного музея. Можно вспомнить такую же ненормальную идею устройства Сада скульптур. Да что там, надо бы поразмыслить, насколько вменяемыми были проектанты самой Одессы — на голом месте, безводном, лишенном топлива, строительных материалов, открытом всем ветрам и волнам, опасном в военном и санитарном отношении, с букетом инженерно-геологических неприятностей и проч. Но, как принято говорить, безумству храбрых поем мы славу.

Олег Ковтун, очевидно, принадлежит к числу оных храбрых безумцев. Полагаю, этот иллюстратор герба Одессы, ее оптимистичной символики, пропагандист средневековой предшественницы нашего города, Джинестры, достоин доброго слова за свое доброе дело. Живи и процветай, Одесский якорный музей, Музей Доброй Надежды!

Фотоиллюстрации Ивана ЧЕРЕВАТЕНКО

